

90 лет со дня рождения Михаила РОММА

СДЕЛАТЬ МИНУТУ РАВНОЙ ГОДУ

МИХАИЛ Ромм был художником со счастливой судьбой.

Это, конечно же, не означает, что все и всегда у него складывалось гладко.

Наоборот, трудностей хватало даже тогда, когда он стал знаменитым кинорежиссером, лауреатом нескольких Государственных премий СССР и РСФСР... «Меня не покидает ощущение, что всю жизнь я беспрерывно сдаю государственные экзамены», — сказал он после премьеры картины «9 дней одного года». Именно тогда мне посчастливилось познакомиться с ним, а чуть позднее, весной 1962 года, даже напроситься на его лекции во ВГИКе. Он любил свою преподавательскую работу, любил талантливых молодежь и так «читал» лекции, будто вел диалог со своими слушателями, вовлекая их в непростой разговор о профессии кинорежиссера, о подводных камнях в ней, о неустанности труда художника над собой... Над воспитанием своей творческой, гражданской и человеческой личности. Для него эти качества, помноженные на знания, эрудицию и профессиональное умение, были неразрывны в облике современного режиссера. Он заставлял мыслить на лекциях, «терзал» вопросами, широким, и аудитория не оставалась в долгу у мастера: вопросы сыпались один за другим... Тогда-то и возникли удивительные ромманские монологи-откровения. До сих пор помню живую голос Михаила Ильича — чуть глухотный, с постоянной попросительной интонацией, нередко иронично-насмешливый, но не обидный, а зачастую одобрительный, как бы призывающий: «Надо работать, ребятки!»

Эти слова, наверное, помнят все его ученики. А среди них Григорий Чухрай, Глеб Панфилов, Игорь Таланкин, Александр Митта, Тенгиз Абуладзе, Реваз Чхеидзе, Владимир Меньшов... Учился у него и Василий Шукшин. «Он учил работать. Много работать. Вся жизнь. Он и начал с того свою учебу — рассказал нам, как много и трудно работал Лев Толстой. И все пять лет потом повторил: «Надо работать, ребятки». И так это и вошло во мне, — вспоминал Василий Макарович, — что надо работать, работать и работать... Он и сам работал до последнего дня. Так только и живут в искусстве...»

Да, жизнь его не была простой. Елена Александровна Кузьмина, жена его, народная артистка РСФСР (кто из зрителей моего поколения не помнит ее в ромманских фильмах — Анну из «Мечты», Таню в «Человеке № 217», Джесси в «Русском вопросе», таню-риздочницу Марию-Марту в «Секретной миссии»), однажды записала в своем дневнике такой разговор:

«С каким удовольствием и бы ничто не ставил в кино, — сказал Ромм. — Не имею права сейчас работать. Если бы я был писателем, работал бы не покладая рук. Сколько матриала!

— А ты пиши. Очень здорово пишешь. Тебя были бы удивительные книги!..

— Не говори так. Никакой у меня не идет удивительной книги!.. Не тот характер. Не могу сидеть в тихом одиночестве и что-то кропать. Я должен быть с людьми. Должен жить каждую минуту, что чувствуют, что делают и думают другие люди... Может быть, в этом мое несчастье... А может, в этом и есть счастье! Черт его знает!..»

Такое состояние свойственно каждому крупному художнику. Во все времена. В мучительном, изнуряющем труде рождается истинное искусство. Все это можно отнести и Михаилу Ильичу Ромму, мужественному человеку и глубоко принципиальному художнику.

«Ведь кинематограф, — говорил он, обращаясь к молодым, — необыкновенно серьезное, важное искусство... Для него не существует времени и пространства, это — могучее искусство, которому подвластен весь мир и все эпохи, которому подвластно искусство для того, чтобы создавать ярмарочный балаган, по-моему, доступно. А между тем до сих пор в мировом кино в основном торжествует принцип багана.

Кинематограф обладает огромными возможностями, он способен делать поистине чудо в духовном воспитании и мобилизации нации. Выход на экран некоторых наших лучших картин — таких, как, например, «Броненосец Потемкин», «Чапаев», трилогия о Максиме многих других, превращалась в подлинное-

родное торжество. Я помню, когда вышел на экран «Чапаев», шли демонстрации к кинотеатрам с лозунгами: «Идем смотреть «Чапаева». Все, от академиков до детей, ходили на этот фильм. Чапаев стал кумиром молодежи. Картина имела действительно гигантский, всенародный успех, и, хотя прошло уже около 30 лет с ее появления, она и сегодня остается великим произведением киноискусства.

Молодые люди, которые пришли в кинематограф для того, чтобы стать рядовыми бойцами кинематографической армии, должны взять на себя великие обязательства. Им предстоит строить великое новое социалистическое искусство...»

Будучи убежденным гуманистом, он подчеркивал: «...в области духовного развития человечества в XIX веке сделано одно генеральное открытие, обозначившее новую эпоху, динущее вперед человеческий разум, создавшее революционный скачок в деле накопления духовных богатств: это открытие именуется марксистско-ленинским учением, научное обоснование переход человека к коммунизму. Это учение создало и условия для морального, этического движения человека вперед».

МОЖЕТ, кому-то не понравится, что я процитировал эти слова Ромма, что называется, документально — по фонограмме его занятий со студентами, будущими режиссерами? Но он никогда не кричал душой, да и вряд ли кто-нибудь когда-либо мог бы обвинить его в догматизме мышления, в конъюнктурности. Позволю себе привести свидетельство о Ромме драматурга Александра Володина: «Он был в моем представлении человеком, который отлучался от всех кинематографистов, от всех художников и ученых, от всех старых и молодых людей. Он жил в особом мире смелых, чистых, далеко идущих мыслей, неожиданных поступков и решений. Его нравственный облик был до непонятности безукоризненным».

Да, Ромм неустанно повторял: «Нельзя мыслить в век величайшей научной революции и одновременно в век рвущейся социальной революции». И связывал будущее кинематографа, как высшего и народного искусства, которое Ленин считал важнейшим, именно с коммунистическими идеями, со строительством обновляющегося человечества: «В этих условиях функции искусства в обществе делаются чрезвычайно значительными. Поэтому важно представить себе, какой будет положение нашего искусства, — искусства кинематографа в новом мире, который мы строим...»

...Он любил вспоминать, как в 1933 году ему предложили поставить небольшую немую ленту. Он выбрал для своего режиссерского дебюта повеллу Мопассана «Пышка».

«Перед первым съемочным днем и пришел к Сергею Михайловичу Эйзенштейну и попросил у него напутствия.

— Да ведь все равно не послушаетесь, — пошмеиваясь, сказал Эйзенштейн.

— Честное слово, послушаюсь!

— Хорошо. С какого кадра вы начинаете съемку?

— С самого простого: крупный план, сапоги стоят перед дверью.

— Съемка у вас завтра?

— Завтра.

— Предположим, что послезавтра вы попадете под трамвай. Снимите ваш кадр так, чтобы я мог принести его во ВГИК, показать студентам и сказать: «Смотрите, какой великий режиссер безвременно погиб! Он успел снять всего один кадр, но этот кадр бессмертен. Мы поместим эти бессмертные сапоги в архив».

— Слушаюсь, — сказал я.

— Под трамвай попадать необязательно, — сказал Эйзенштейн.

— А дальше как снимать? — спросил я.

— Разумеется, точно так же! Каждый кадр, каждый эпизод и каждую картину».

ЧТО РОММ всегда стремился к этому, говорит не только его «Пышка», ставшая классикой нашего кино, но и последующие его картины. И, конечно же, знаменитая диалогия — «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году».

«Я получил задание снимать картину «Ленин в Октябре» совершенно неожиданно.

Первое, что надо было решить, — кому играть Ленина. В этом вопросе ни я, ни автор сценария (Алексей Каплер. — Ю. Ч.) не колебались.

У нас была такая авторитетная подсказка, как известные слова Горького, которые он на одной из репетиций «Егора Булычова» сказал Шукину: «А вы могли бы сыграть Ленина».

Я поехал к Борису Васильевичу Шукину и впервые познакомился с ним. Он произвел на меня необыкновенное впечатление своим умом и своим обаянием и той серьезностью, с которой он готовился к исполнению роли Ленина в театре и кино.

В работе над образом Ленина вся сложность для меня и Бориса Васильевича заключалась в том, что образ Ленина во всей своей гигантской сложности настолько велик, что мы не могли претендовать на сколько-нибудь полный анализ его характера.

Лишь такой блестящий актер, как Шукин, актер-мыслитель в самом высоком значении этого слова, актер необычайной душевной гибкости и глубины, смог справиться с исключительно сложными задачами этой роли в данной картине».

ДИЛОГИЯ о Ленине стала крупнейшим событием в культурной жизни страны. Она же и привела Михаила Ильича Ромма в ряды коммунистов. Это был непростой, трудный для народа 1939 год. Позднее режиссер скажет: «После двух ленинских картин я был свободен в своем выборе и теперь уже сам мог определять свой дальнейший путь». Он создает один из самых любимых своих фильмов — «Мечту», в котором ему удалось собрать созвездие актеров: Е. Кузьмину, Ф. Раневскую, М. Астангова, М. Болдуману, Р. Плятта, А. Войчик. Затем следуют картины — «Человек № 217», отмеченная призом на Международном кинофестивале в Каннах (1946); «Секретная миссия», «Русский вопрос» по пьесе К. Симонова, «Адмирал Ушаков», «Убийство на улице Данте». Казалось бы, каждый фильм Ромма «обременен на успех». И вдруг — молчание, затянувшееся на шесть лет... Что же случилось? Вот как однажды объяснил это сам Ромм:

«Я пришел в кинематограф с убеждением, что искусство должно рассматривать человека в самые острые, «сложные» моменты его существования; с убеждением, что сильнейшая из особенностей искусства — это столкновение трагического и смешного или почти смешного, что каждый человек неповторимо странен, что в жизни его можно найти такой отрезок времени, когда он раскроется весь до дна, во всей его убедительности...»

Разложив перед собой свои послевоенные картины, я с горечью убеждался в том, что круто повернул с выбранной мною самим дороги. Почти каждая из них казалась мне предметным образом приспособления к обстоятельствам, пусть профессионально добротной, иногда изобретательной, иногда очень удачно... Я имею в виду мои послевоенные картины, начиная с «Русского вопроса». Разумеется, я старался быть честным, но честность на чужом материале — это половина честности.

Среди всего этого потока сомнений я решил, наконец, определить заранее хоть некоторые вехи своего пути. Я принес несколько клятв, я даже произнес их как-то ночью вслух. Вот эти клятвы:

Отныне я буду рассказывать только о людях, которых я знаю, лично знаю.

Отныне я буду делать фильмы только на современном советском материале, потому что я его знаю.

Отныне я буду говорить только о том, что меня лично волнует как человека, как гражданина своей страны, притом как человека определенного возраста, определенного круга.

Если я убежден, что исследовать человека нужно в исключительные моменты его жизни, пусть трагические, пусть граничащие с крушением, катастрофой, то я буду брать этот материал, не боясь ничего. В конце концов я советский человек, и все, что я думаю, — это мысли советского человека, и вся система моих чувств — это система чувств воспитанная Советской властью».

Отвечом на эти раздумья художника и стала его новая картина о современниках — «9 дней одного года». Именно об этом фильме он сказал: «Итак, еще один экзамен сдан. Государственный экзамен... Я готовился к нему несколько лет. Он был особенно труден. Сумел ли я угадать в картине дыхание времени? Подслушал ли я, о чем думают люди? Волнует ли их то, что полнует меня? Или люди остались неподвижными? Вот они выходят из кинематографа. Они почти ничего не говорят о картине. Они молчаливы. Мне кажется, что это от полнения, но, может быть, это только кажется?..»

Сомнения мастера понятны, но экзамен перед людьми сдан, и сдан настолько успешно, что и сегодня о Михаиле Ромме как о выдающемся нашем режиссере мы судим и по фильму «9 дней одного года». Но вернусь к тому, что волновало Ромма всю жизнь, что сделало его крупнейшим художником-антифашистом.

«Как-то я сидел в компании сравнительно молодых людей, — вспоминал Михаил Ильич. — Старшему из них было тридцать один, младшему — двадцать три. Зашел разговор о фашизме. И оказалось, что молодежь, родившаяся перед самой войной или незадолго до нее, понятия не имеет, что такое фашизм в самом существе своем. Война для них — далекое воспоминание детства, прошлое их отцов, война ушла куда-то очень далеко. Они не придавали большого значения фашизму, первое сказать, они считали его мертвым, а некоторые даже склонны были полагать, что и разговор о фашизме этого предвзвешивания».

Примерно в это же время Милы Туровская и Юрий Ханютин предложили нашему объединению на «Мосфильме» сделать документальную ленту о немецком фашизме — показать не его историю, а создать своего рода фильм-размышление, фильм-разговор со зрителем при помощи кинодокументов. Я вспомнил десятки виденных мною фильмов, вспомнил немецкую хронику времен войны — мы стали работать.

Два года я работал над фильмом «Обыкновенный фашизм». Я делал картину для советского зрителя. Но очень важно для меня было знать, как примет эту картину зритель немецкий. Поэтому, как только картина была закончена, я согласился представить ее на Лейпцигский кинофестиваль документальных фильмов.

Кончились надписи, медленно зажегся свет, закрылся занавес. Тысячи человек молчали. А происходило то, чего я так хотел добиться, — люди думали. Они думали еще минуту после того, как зажегся свет. Но для режиссера картины такая минута кажется годом. Потом раздались первые несмелые аплодисменты, потом кто-то заметил меня. Весь зал встал, мне устроили овацию. Трудно передать, что должен пережить советский режиссер — представитель страны, которая так пострадала от фашизма, когда ему аплодируют тысячи зрителей-немцев».

СЛЕДУЮЩИЙ фильм — «И все-таки я верю» — обещал быть, по замыслу, тоже публицистичным, горячим, взволнованным, но Ромм его не смог закончить. Мы встречались с ним в Кунцевской больнице. Он мечтал поскорее вырваться из рук врачей, ворчал, надеялся: «Выйду — все будет иначе... Надо работать, ребятки!..»

«Теперь, когда я бываю на киностудии «Мосфильм», поднимаюсь на четвертый этаж производственного корпуса, вижу в коридоре медную памятную доску. Здесь работал выдающийся кинорежиссер Михаил Ромм. Захожу на пустую съемочную площадку. И кажется, вот сейчас войдет он, как бывало, поздоровается с каждым за руку — с артистами, рабочими, осветителями... И глуховатым голосом, но энергично скажет: «Пора работать, ребятки!..»

Публикацию подготовил Юрий ЧЕРЕПАНОВ.